

«Попса» как образ жизни

Тема «Художник и власть», видимо, никогда не потеряет актуальности. Я знаю многих людей, пришедших в политику, которые почувствовали, что это их главная дорога, она увлекает их больше, чем прежняя профессия, и они принесли ее в жертву новому поприщу. Со мной, к счастью, этого не произошло. Для меня основная ценность — человек, отношения между людьми. Это и есть моя профессия. А что касается политики, я сформулировала для себя такое понятие, как красный свет, при котором нельзя переходить дорогу. Потому что в политике, на мой взгляд, нормальных человеческих отношений быть не может, они никогда в ней не будут главными. Когда меня избрали в Думу и я впервые туда пришла, многие, кто ласково, кто с иронической подковыркой, спрашивали меня: ну как, наш театр посложнее вашего, поинтереснее? Я не хотела их разочаровывать, но кое-кому говорила: к сожалению, ваш театр легче разгадать, чем тот, в котором приходится работать нам.

Я часто думаю, что наше время, в особенности 90-е годы, если и войдет в историю, то под названием «попса». Дело не в том, что это эстрадный жанр. И в нем случаются высокие образцы. Это понятие гораздо шире, и оно проявляется во всем: во вкусах, потребностях, в способе изображения хорошего или плохого, в ритмах. В способе существования, наконец. «Попса» как собирательный образ времени. Сейчас мы переходим в новое столетие, в котором неизбежны какие-то естественные перемены. Я имею в виду не себя, даже не театр, а все человечество, которому предстоит пройти заново все этапы, нами уже преодоленные. Цикличность свойственна людской природе. И в знак протеста на смену «попсе» непременно придет иное направление. Уверена, что мы двинемся в сторону романтизма.

На место «попсовой», растрепанной, раздетой внутренне и внешне героини явится женщина типа толстовской Наташи Ростовской, как это ни смешно, может быть, сегодня звучит. Я не знаю, когда это будет. Возможно, я этого не дождусь. Но будет обязательно.

Если говорить о себе и своих коллегах, я считаю, что мы — счастливые люди. Мы — это Театр «Современник». Один из компонентов счастья, и я всегда это повторяю молодым, — шанс играть в полном зале. Это огромное счастье. Мы иногда даже нагло в этом уверены. Главная ценность театра, по моему, состоит в том, что он существует для людей, а не для кого-то еще, как бы обидно этим «кому-то еще» это ни было. Я имею в виду именно людей, а не народ. Народ в нашей стране уничтожили, смыли лозунгами, неправдой, фальшью. А люди — есть. У меня сердце сжимается, когда я вижу крытый военный грузовик с надписью «Люди». Для меня эта надпись расшифровывается конкретными крупными планами — Васи, Пети, Миши... Друзей моего сына, которые могли там оказаться. Самого сына. Просто чужих ребят. Артистов и рабочих из нашего театра. Все они — люди. Поэтому я счастлива, когда театр заполняется людьми. Ради них мы ставим спектакли, а не ради критиков. О нашей последней работе «Три товарища» написано столько рецензий, что на стенде уже места не осталось, куда их вешать. Ни одной из них я не прочитала, кроме статьи Юрия Карякина, которая мне сама по себе интересна, да это и не рецензия вовсе. Но это боковая тема, к слову.

Итак, мы имеем полный зал. Кто наши зрители? Раньше говорили: полный театр эмэнэсов (младших научных сотрудников). Да, молодые ученые из Обнинска, Пахры, Черноголовки — они

Ч Е Л О В Е К

Моск. новости.
2000. - 1 февр. -
с. 5.

Галина ВОЛЧЕК,

**художественный руководи-
тель Театра «Современник»**

все были наши, все с нами начинали. Потом они стали кандидатами, докторами наук, а иные — академиками. Я горжусь тем, что они росли вместе с нами. Что к нам постоянно ходили такие выдающиеся ученые, как Бруно Понтекорво, Зельдович, Харитон... Сейчас зритель очень помолодел. В зале, кстати, есть уже внуки наших первых зрителей. Я от души радуюсь, когда вижу в театре столько молодых людей. И артистов молодых, конечно, очень много. Сама я уже почти не играю — я не играющий «тренер». Выступаю всего в одной роли и то лишь из чувства дисциплины. Это уже старый спектакль, и мой партнер, горячо любимый мною Валентин Гафт, ни за что не соглашается, чтобы меня кто-то дублировал или заменял, — лучше снять спектакль. Актерское сознание я в себе убила. Мне важно, чтобы театр хорошо работал. Это и делает меня счастливой.

Сейчас я сама ничего не ставлю — передышка после тяжелейших для меня «Трех товарищей». Но театр продолжается. Над постановкой у нас работает замечательный литовский режиссер Римас Туманис. Мы долго за ним ухаживали, чтобы он полюбил нас по-настоящему. Пришел. Поставил. Это ближайшая премьера «Современника», в спектакле заняты Марина Неелова, Елена Яковлева, Игорь Кваша.

(Монолог записан на телеканале «Культура»).